

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

ПИСЬМА К МОЛОДОМУ ПОЭТУ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Р50

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*
Перевод с немецкого *Г. Ратгауза, М. Цветаевой*

Рильке, Райнер Мария.

Р50 Письма к молодому поэту / Рильке Райнер Мария ; [перевод с немецкого Г. Ратгауза, М. Цветаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 160 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119920-3

Творческое наследие Рильке уникально в своей многогранности, в своем противоречии эпохе: в непростые времена революций и Первой мировой войны он писал об эстетике и мечтах, обращаясь к «внутреннему миру человека, который полон сокровенных, одному ему понятных значений и смыслов».

Хотя мировую славу Рильке принесли поэтические сборники, его проза по силе духа, мощи, звенящему ощущению реальности не уступает стихам. В настоящий сборник вошли знаменитые «Письма к молодому поэту» и «Письма о Сезанне» — тонкие заметки о поэзии и природе поэтического творчества, об искусстве и пути истинного художника, об одиночестве и любви.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Перевод. Г. Ратгауз, наследники, 2020
ISBN 978-5-17-119920-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2025

ПИСЬМА
К МОЛОДОМУ ПОЭТУ

*Париж,
17 февраля 1903*

Милостивый государь,

Ваше письмо я получил лишь недавно. Я хочу поблагодарить Вас за Ваше большое и трогательное доверие. Вряд ли я могу сделать больше: я не могу говорить о том, что такое Ваши стихи; мне слишком чуждо всякое критическое намерение. Слова критики могут менее всего затронуть творение искусства: и критика всегда сводится к более или менее счастливым недоразумениям. Не все вещи так ясны и выразимы, как нам обычно стараются внушить; многие события невыразимы, они совершаются в

той области, куда еще никогда не вступало ни одно слово, и всего невыразимое — творения искусства, загадочные существа, чья жизнь рядом с нашей, временной жизнью длится вечно.

Сделав это краткое замечание, я могу Вам сказать лишь одно: в Ваших стихах своеобразия нет, но в них сокровенно и тихо намечается что-то свое. Яснее всего я это чувствую в последнем стихотворении «Моя душа». Здесь что-то личное хочет выразиться вслух, хочет найти образ и слово. И в прекрасном стихотворении «Леопарди», может быть, возникает что-то вроде родства с этим Великим и одиноким духом. Все же эти стихи еще немного значат; в них нет самостоятельности, даже и в последнем стихотворении, и в стихах о Леопарди. Ваше чисто-сердечное письмо, которым Вы их сопроводили, не преминуло объяснить мне те недостатки, которые я чувствовал, читая Ваши стихи, но не мог еще назвать в точности.

Вы задаете вопрос, хороши ли Ваши стихи. Вопрос задан мне. Раньше Вы спрашивали других. Вы посылаете их в журналы. Вы сравниваете их с чужими стихами, и Вас тревожит, что иные редакции возвращают Вам Ваши опыты. Так вот (раз уж Вы разрешили мне дать Вам совет), я прошу Вас все это оставить. Вы ищете внешнего успеха, а именно этого Вы сейчас делать не должны. Никто Вам не может дать совета или помочь; никто. Есть только одно средство: углубитесь в себя. Исследуйте причину, которая Вас побуждает писать, узнайте, берет ли она начало в самом заветном тайнике Вашего сердца, признайтесь сами себе, умерли бы Вы, если бы Вам нельзя было писать. И прежде всего — спросите себя в самый тихий ночной час: должен ли я писать? Ищите в себе глубокого ответа. И если ответ будет утвердительным, если у Вас есть право ответить на этот важный вопрос просто и сильно: «Я должен», тогда всю Вашу жизнь Вы должны создать за-

ново, по закону этой необходимости; Ваша жизнь — даже в самую малую и безразличную ее минуту — должна стать заветным свидетельством и знаком этой творческой воли. Тогда будьте ближе к природе. Тогда попробуйте, как первый человек на земле, сказать о том, что Вы видите и чувствуете, и любите, с чем прощаетесь навсегда. Не пишите стихов о любви, избегайте вначале тех форм, которые давно изведаны и знакомы; они — самые трудные: нужна большая зрелая сила, чтобы создать свое там, где во множестве есть хорошие, и нередко замечательные, образцы. Ищите спасения от общих тем в том, что Вам дает Ваша повседневная жизнь; пишите о Ваших печалях и желаниях, о мимолетных мыслях и о вере в какую-то красоту, — пишите об этом с проникновенной, тихой, смиренной искренностью и, чтобы выразить себя, обращайтесь к вещам, которые Вас окружают, к образам Ваших снов и предметам воспоминаний. Если же Ваши

будни кажутся Вам бедными, то не вините их; вините сами себя, скажите себе, что в Вас слишком мало от поэта, чтобы Вы могли вызывать все богатства этих буден: ведь для творческого духа не существует бедности и нет такого места, которое было бы безразличным и бедным. И если бы Вы даже были в тюрьме, чьи стены не доносили бы до Ваших чувств ни один из звуков мира, — разве и тогда Вы не владели бы Вашим детством, этим неоценимым, царственным богатством, этой сокровищницей воспоминаний? Мысленно обратитесь к нему. Попробуйте вызвать в памяти из этого большого времени все, что Вы забыли, и Ваша личность утвердит себя, Ваше одиночество будет шире и будет домом в сумерках, мимо которого будут катиться волны людского шума, не приближаясь к нему. И если из этого обращения к себе самому, из этого погружения в свой собственный мир родятся стихи, то Вам даже в голову не придет спрашивать кого-нибудь, хорошие ли это

стихи. Вы больше не пожелаете заинтересовать Вашими работами журналы: Вы будете видеть в них Ваше кровное достоинство, голос и грань Вашей жизни. Произведение искусства хорошо тогда, когда оно создано по внутренней необходимости. В этом особом происхождении заключен и весь приговор о нем; никакого другого не существует. Вот почему, уважаемый господин Каппус, я могу дать Вам только один совет: уйдите в себя, исследуйте те глубины, в которых Ваша жизнь берет свой исток, у этого истока Вы найдете ответ на вопрос, надо ли Вам творить. Быть может, окажется, что Вы призваны быть художником. Тогда примите на себя этот жребий, несите его груз и его величие, никогда не спрашивая о награде, которая может прийти извне. Творческий дух должен быть миром в себе и все находить в самом себе или в природе, с которой он заключил союз.

Но, быть может, Вам и после этого погружения в себя, в свою уединенность

придется отказаться от мысли стать поэтом (достаточно, как я уже говорил, почувствовать, что можешь жить и не писать, и тогда уже вовсе нельзя стать поэтом). Но и тогда эта беседа наедине с собой, о которой я Вас прошу, не будет напрасной. С этого времени Ваша жизнь неизбежно пойдет своими особыми путями, и я Вам желаю, чтобы эти пути были добрыми, счастливыми и дальними, желаю больше, чем я могу сказать.

Что я еще могу сказать Вам? Мне кажется, все сказано так, как надо, и под конец я могу Вам только посоветовать тихо и серьезно пройти предназначенный Вам путь; Вы более всего этому помешаете, если Вы станете искать внешнего успеха, ожидать от внешнего мира ответа на вопросы, на которые, быть может, сможет дать ответ лишь Ваше внутреннее чувство в самый тихий Ваш час. Мне было приятно увидеть в Вашем письме фамилию господина профессора Горачека, к этому милому и ученому человеку

Райнер Мария Рильке

я сохранил уважение и благодарность, которая не умерла во мне за все эти годы. Пожалуйста, передайте ему эти мои чувства; очень любезно, что он еще помнит меня, и я знаю цену его вниманию.

Стихи, которые Вы решились мне дружески доверить, я Вам возвращаю. И я еще раз Вас благодарю за Ваше большое и сердечное доверие. Отвечая Вам искренне и честно, как мог, я стремился стать хотя бы немного достойнее этого доверия, которого я, посторонний, быть может, и недостойн.

Со всей преданностью и участием

Райнер Мария Рильке.

*Виареджо,
окрестности Пизы (Италия),
5 апреля 1903*

Простите меня, дорогой и уважаемый друг, что я только сегодня отвечаю с благодарностью на Ваше письмо от 24 февраля: я все это время был нездоров, — не то чтобы болен, но угнетен какой-то вялостью, какая бывает иногда при простуде, и она не давала мне заниматься ничем. Она все не проходила, и, наконец, я поехал к этому южному морю; его благое действие мне однажды уже помогло. Но я все еще нездоров, пишу с трудом, и потому примите эти несколько строк взамен большего.

Конечно, Вам следует знать, что каждым Вашим письмом Вы всегда меня будете радовать, и следует быть снисходительнее к ответу, который, быть может, не раз оставит Вас ни с чем; в сущности, именно в самом важном и глубоком мы безмерно одиноки; и чтобы один из нас мог дать совет или тем более помочь другому, — необходимо многое; нужен успех и счастливое сочетание обстоятельств, чтобы это могло получиться.

Я хотел сегодня сказать Вам еще два слова:

Об иронии. Не давайте ей завладеть Вами, в особенности в нетворческие минуты. В творческие же стремитесь использовать ее как еще одно средство понимания жизни. В чистых руках и она чиста, и не надо ее стыдиться, а если она слишком близка Вам и Вы опасаетесь этой чрезмерной близости, тогда обратитесь к великому и серьезному, перед которым она становится мелочной и бессильной. Ищите глу-

бину предметов: туда никогда не проникает ирония, — и если на этом пути вы придете к самому рубежу великого, узнайте тогда, рождается ли ирония из вашей глубокой внутренней потребности. Под влиянием серьезных предметов она или вовсе отпадет (если она случайна для Вас) или же (если это действительно врожденное Ваше свойство) она окрепнет и будет сильным инструментом и встанет рядом с иными средствами, которыми Вам надлежит создавать Ваше искусство.

И второе, что я хотел Вам сегодня сказать:

Из всех моих книг лишь немногие насущно необходимы для меня, а две всегда среди моих вещей, где бы я ни был. Они и здесь со мной: это Библия и книги великого датского писателя Иенса Петера Якобсена. Мне захотелось спросить, читали ли Вы их. Вы можете без труда их достать, так как многие из его сочинений изданы в очень хороших пе-